

Вернер Лефельдт

АКЦЕНТ
И УДАРЕНИЕ
В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

ББК 81.2Рус-67-1
Л 53

Лефельдт В.

Л 53 Акцент и ударение в русском языке. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 248 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0162-4

В книге систематически, шаг за шагом, обсуждаются все основные проблемы акцентологии русского языка. Главная идея, на которой основывается книга, заключается в необходимости различения двух уровней описания, а именно уровня акцента и уровня ударения. При этом акцент представляет собой своего рода абстрактное предложение / рекомендацию выделить один слог тактовой группы, в то время как ударение является фонетической реализацией этого предложения / рекомендации. В соответствии с этой идеей в первой главе описывается акцентная система современного русского языка, а вторая глава посвящена описанию ударной системы. В третьей и последней главе анализируются функции акцента и ударения.

ББК 81.2

ISBN 5-9551-0162-4

© Лефельдт В., 2006
© Языки славянской культуры, 2006

Содержание

Предисловие	7
0. Введение	11
1. Абстрактный уровень: акцентные единицы	27
1.1. Абстрактные словоформы: определение, сегментация, их образование	27
1.2. Абстрактные словоформы: акцентологическое исследование	40
1.2.1. Изолирующий анализ: свобода акцента	40
1.2.2. Парадигматический анализ	42
1.2.2.1. Определение позиции акцента	43
1.2.2.2. Подвижность флексийного акцента	48
1.2.2.3. Акцентные схемы	63
1.2.2.3.1. Инвентарь акцентных схем	69
1.2.2.3.2. Принадлежность парадигм к акцентным схемам	87
1.2.2.3.3. Частотность, употребительность, продуктивность и перспективность акцентных схем	102
1.2.2.3.4. Синхронная вариативность (акцентные варианты) — переходные тенденции	107
1.2.3. Синтагматический анализ	128
2. Конкретный уровень: единицы ударения	148
2.1. Отношения между акцентом и ударением	148
2.2. Изолирующий анализ	152
2.2.1. Фонетические корреляты ударения	152
2.2.2. Фонетические корреляты безударности	169
2.2.2.1. Безударность в тактовых группах со словоформами элементарной структуры	171
2.2.2.2. Безударность в тактовых группах со словоформами неэлементарной структуры	175

2.3.	Синтагматический анализ	178
2.3.1.	Реализация акцента как неударения или как ударения	178
2.3.1.1.	Реализация акцента как неударения	179
2.3.1.2.	Реализация акцента как ударения в центре интонаемы	184
2.3.1.3.	Реализация акцента как логического ударения	187
2.3.1.4.	Реализация акцента как ударения вне центра интонаемы	189
2.3.2.	Побочное ударение	194
2.3.2.1.	Условия возникновения побочного ударения	194
2.3.2.2.	Фонетические корреляты побочного ударения	198
3.	Функции акцента и ударения	200
3.1.	Функции акцента	200
3.2.	Функции ударения	210
	Послесловие	225
	Библиография	226
	Указатель имен	242
	Предметный указатель	244

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой перевод монографии, вышедшей на немецком языке в 2003 году (Lehfeldt 2003). Автор надеется познакомить русского читателя со своим подходом к анализу и описанию русской акцентной и ударной системы. Этот замысел нашел поддержку в отзыве одного из российских рецензентов, рекомендовавшего перевести книгу на русский и английский языки, поскольку, по его мнению, она может быть названа «энциклопедией русской акцентологии» (Касевич 2005, 125).

Автор ставил перед собой цель систематически осветить все основные проблемы, связанные с изучением словесного акцента и словесного ударения в современном русском литературном языке. Иначе говоря, описание русской акцентной и ударной системы дается в строгой последовательности, подразумевающей, что отдельные проблемы рассматриваются поэтапно и каждый последующий вывод базируется на предшествующем, т. е. в данном случае можно говорить о попытке построения своего рода акцентологического здания. Таким образом, книга адресована читателю, заинтересованному в систематическом руководстве по многочисленным, нередко запутанным проблемам акцентологии русского языка. Автор надеется, что ему удалось хотя бы приблизительно достичь полноты в систематическом освещении этих проблем.

Желание обсудить по возможности все важные акцентологические проблемы нельзя отождествлять с претензией на исчерпывающее их освещение. Достичь такой цели в рамках одной-единственной книги представляется невозможным. Так, например, вопрос о том, от каких факторов зависит акцентная позиция производных лексем русского языка, не может быть во всех подробностях и с учетом всех классов морфов освещен в рамках

одного раздела книги, так как это заняло бы слишком много места. Вместо этого читатель отсылается к работе, в которой можно найти подробное описание данной проблемы. С другой стороны, при рассмотрении акцентных схем современного русского языка автор стремился представить полный их инвентарь. В тех случаях, когда исчерпывающий анализ той или иной проблемы представляется невозможным, даются ссылки на специальную литературу.

Предлагаемая книга претендует также на то, чтобы представить синтез научных достижений в области акцентной и ударной системы русского языка. Данная дисциплина русистики достигла во второй половине прошлого столетия значительных результатов, так что попытка синтезирующего общего изложения материала вполне осуществима. При чтении отдельных глав книги читатель без труда заметит, какие ученые, по мнению автора, внесли особенно важный вклад в акцентологию.

Из сказанного выше следует, что предлагаемая книга во многих отношениях непосредственно опирается на достижения многочисленных акцентологов и была бы немыслима без них. Вместе с тем книга претендует на ряд методических новшеств. Это в первую очередь относится к понятийному и терминологическому разграничению акцента и ударения, заявленному уже в названии книги и лежащему в основе разделения ее на главы. Во введении читатель найдет подробное обоснование этого принципа. Новой является также и трактовка синтагматического акцентного анализа. Вопреки давней традиции здесь говорится не о переносе, а о потере акцента — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Новым в методическом отношении является также предлагаемый способ исследования ритмообразующей функции ударения.

Изначально книга была задумана как совместный труд двух авторов, однако обстоятельства помешали моему мюнхенскому коллеге профессору д-ру Ульриху Швайеру (Prof. Dr. Ulrich Schweier) написать отведенные ему разделы книги. Этот факт вызывает особое сожаление потому, что У. Швайер внес существенный вклад в разработку концепции книги. Введение было написано в тесном сотрудничестве с ним и во многом с учетом его рассуждений и предложений, высказанных им, в частности,

в ходе нашей обширной акцентологической переписки. Кроме этого, ему принадлежит упомянутая выше идея заменить понятие переноса акцента понятием потери акцента. У. Швайер также прочел рабочий вариант книги и написал к нему обстоятельный критический комментарий, содержащий множество ценных указаний для дальнейшей работы над книгой. Я глубоко признателен У. Швайеру за его важный и плодотворный вклад в данную работу.

Обширный и подробный комментарий, весьма полезный для работы над первым вариантом книги, написал также д-р Петер Майер (Dr. Peter Meyer). Д-р Роберт Хаммель (Dr. Robert Hammel, M. A.) согласился прочесть всю книгу и написать к ней критический комментарий, из которого я почерпнул целый ряд предложений для улучшения ее первого варианта. Проф. д-р Габриель Альтман (Prof. Dr. Gabriel Altmann, CSc.), по существу, разработал излагаемые в последней главе положения, касающиеся моделирования ритма прозы. Мой скромный вклад в разработку этих моделей ограничился в основном ролью *advocatus diaboli*, чьи многочисленные вопросы и сомнения были направлены на то, чтобы изложить основы этих моделей как можно более ясно и эксплицитно. Не могу не упомянуть и своего сотрудника Джи-Хёна Ома (Jee-Hyeon Eom, M. A.), чьи ценные соображения способствовали улучшению содержания книги. Всем названным коллегам приношу искреннюю и глубокую благодарность за их бесценную помощь.

Предлагаемая книга представляет собой не просто перевод немецкого оригинала. Работа над переводом дала возможность внести в текст ряд исправлений, а также дополнить и расширить содержание книги. Последнее в основном относится к трактовке функций акцента. Выход в свет «Словаря омонимов русского языка» (Венцов, Касевич 2004) предоставил возможность более подробно и точно описать эти функции. Благодаря тому, что при работе над переводом был использован ряд акцентологических работ, не учтенных в немецком оригинале, появилась возможность изложить некоторые проблемы четче и полнее.

В заключение я хотел бы кратко рассказать о ходе перевода книги на русский язык. Так как автор не является носителем рус-

ского языка, перевод был бы немыслим без сотрудничества и помощи целого ряда лиц. В самом начале работы я осмеливался сам переводить немецкий текст на русский язык. Этот рабочий вариант затем существенно исправлялся и редактировался моей сотрудницей Надей Гердт (Nadja Herdt), носителем русского языка. Потом мы нашли более продуктивный способ совместной работы. Надя Гердт самостоятельно переводила текст, а затем мы обсуждали перевод, что явилось существенным облегчением для меня: освободилось время для выполнения другой работы. Надя Гердт проделала большую и неоценимую работу. Она осуществила также компьютерный набор текста. Приношу ей глубокую благодарность за эту бесценную помощь.

Русский перевод текста требовал критического просмотра со стороны специалиста-лингвиста. Эту задачу взял на себя профессор д-р Александр Дмитриевич Дуличенко. Он прочел перевод во время своего пребывания в Геттингене в ноябре 2004 г. и внес в него многочисленные уточнения. А. Д. Дуличенко еще раз отредактировал весь текст во время моего пребывания в Тарту в декабре 2004 г. Ему также приношу глубокую благодарность за его большую помощь в усовершенствовании русского перевода.

Заключительное редактирование книги было выполнено моей сотрудницей Людмилой Шиковски (Ljudmila Schikowski, M. A.). Она проделала эту ответственную работу очень тщательно, за что я выражаю ей свою искреннюю благодарность.

Окончательный компьютерный вариант книги подготовил мой сотрудник Джи-Хён Ом (Jee-Hyeon Eom, M. A.), обладающий блестящими знаниями в области «компьютерного дела». Приношу ему глубокую благодарность за его труд. Окончательное редактирование книги было проведено в издательстве, а именно редактором Маргаритой Григорян. Своей весьма тщательной работой и она заслужила мою глубокую благодарность.

Остается надеяться, что предлагаемая книга вызовет интерес у русских лингвистов. Буду благодарен за любые критические замечания, полезные для дальнейшего углубления и расширения концепции, положенной в основу книги. Замечания прошу присылать мне по электронному адресу: wlehfel@gwdg.de.

0. Введение

Прежде всего хотелось бы ввести читателя в тематику, которой посвящена данная книга. Для этого необходимо определить предмет и цели исследования, а также методы, с помощью которых должны быть достигнуты поставленные цели. Ограничимся пока кругом тех вопросов, которые мы считаем особенно важными для того, чтобы подготовить читателя к ознакомлению с интересующими нас проблемами.

Предметом нашего исследования в целом является феномен русского языка, который традиционно обозначается как «словесный акцент». При первом рассмотрении этот термин означает, что существуют определенные единицы, называемые словами, которые обладают определенным признаком, а именно наличием акцента. Нередко то же самое явление отражается в формулировках об ударности тех или иных слов в русском языке. Обе формулировки наглядно показывают мысленное различие объектов — в данном случае слов — и одного из их качеств — а именно акцента или ударения, которое лежит в основе также и наших размышлений. Однако мы хотим оперировать здесь несколько иной терминологией: в сфере объектов мы вместо термина «слово» будем употреблять термин «словоформа»; термины «слово» или «лексема» относятся к единицам другого типа (см. раздел 1.1). В отношении характеристик этих объектов мы будем использовать — вопреки распространенной акцентологической практике — термины «акцент» и «ударение» не как синонимы, но как обозначения двух различных феноменов (см. ниже, а также раздел 2.1). Чтобы быть последовательными, мы должны были бы постоянно говорить об акценте словоформ и об ударении словоформ. Однако для краткости мы будем использовать просто термины «акцент» и «ударение». Если же речь пойдет об акценте или ударе-

нии не словоформ, а других единиц, например, об акценте предложения, то данная единица будет называться эксплицитно. Таким образом исключается возможность возникновения недоразумений.

Так как объектом нашего исследования мы называем словоформы, то, разумеется, необходимо прояснить вопрос о том, как их определить в русском языке и как очертить во всей своей совокупности. Здесь нам хотелось бы предварительно апеллировать к интуитивному пониманию «словоформы» (см. подробнее в разделе 1.1) и исходить из представления о том, что языковые высказывания, устные или письменные тексты, могут быть задуманы как последовательность отдельных словоформ. Указывая на то, что объекты нашего исследования берутся из текстов, с самого начала мы ссылаемся на базу данных, которая в формулировке известного лингвиста П. Хартмана (Hartmann 1971, 10; 1968, 213) характеризуется «как манифестированное единичное явление способного к функционированию языка» или как «первичный языковой знак» и, следовательно, является единственно возможным исходным пунктом.

На базе этого вырисовываются основные черты метода описания, который будет разрабатываться и применяться в этой книге. Данный метод можно упрощенно назвать циклическим: полученное из текстов множество русских словоформ, которое мы рассмотрим подробнее, на первом этапе будет подвергнуто абстрагирующему лингвистическому анализу. При этом словоформы будут выводиться из их конкретного употребления в текстах и анализироваться акцентологически независимо. Затем описанные таким образом словоформы будут опять вставляться в свои (кон)тексты и исследоваться в этих условиях.

Чтобы понять принцип действия этого метода и одновременно с ним феномены русского акцента и русского ударения более конкретно, нужно ознакомиться с мысленной дифференциацией, о которой мы уже упоминали: принципиально различаются конкретные словоформы, т. е. такие, которые реализуются конкретным говорящим в высказывании в его специфическом контексте «мир — время — место» (например, в любом устном тексте; по щекотливой теме письменных текстов см. раздел 1.1), и абст-

рактные словоформы, которые в противоположность первым не реализованы конкретно. Обозначение «абстрактный» относится поэтому к уровню лингвистического описания, на котором словоформы рассматриваются вне и независимо от их возможной конкретной реализации в (кон)тексте. В нашей модели деление на абстрактные и конкретные словоформы влечет за собой соответствующую очередность описания: исследуемые в первой главе абстрактные словоформы рассматриваются как исходные формы для конкретных словоформ — в виде словоформ, которые еще (или повторно) находятся «на пути» к их конкретной реализации. Отсюда непосредственно следует, что абстрактные словоформы русского языка являются нашими первичными объектами исследования.

Абстрактные словоформы мы будем исследовать с акцентологической точки зрения с той целью, чтобы увидеть, что происходит или может происходить на указанном «пути», т. е. на пути перехода от абстрактных словоформ к статусу конкретных (см. раздел 2.1). Конкретные словоформы — «целевые формы» — рассматриваются во второй главе книги. При этом мы обратимся прежде всего к рассмотрению фонетических коррелятов ударения, безударности и неударности в конкретных высказываниях. Обобщенно выбранную нами модель описания акцента можно обозначить как циклически-производящую.

С разделением на абстрактные и конкретные словоформы связаны и некоторые другие различия, которые особенно важны для нашего исследования. В этой связи особую роль играет наше намерение использовать термины «акцент» и «ударение» не как синонимы, а как обозначения двух различных феноменов. Чтобы пояснить это подробнее, сначала условимся о следующем: об акценте мы говорим применительно к качеству наших абстрактных объектов исследования, а ударением обозначаем качество конкретных объектов исследования. Это определение, конечно, подразумевает, что оба термина используются строго взаимодополняясь или что «акцент» и «ударение» в данной работе ни в коем случае не должны смешиваться друг с другом.

Далее необходимо указать, что это за феномены, которые являются поводом для такого различия. Начнем с акцента, т. е. с

простого вопроса: что понимается под утверждением о том, что абстрактная единица имеет акцент? Наш ответ будет таков: в каждой слоговой абстрактной словоформе в русском языке мы выделяем только один из ее слогов или гласный данного слога как акцентную позицию данной словоформы. Об этой позиции мы образно говорим, что на абстрактном уровне она «несёт» акцент соответствующей словоформы (см. в качестве примеров такие абстрактные словоформы, как *на́, о́т, тогó, она́, чита́ла, вчера́, профессорáми, студéнтов, же́* и др.). Слово «слоговой» означает, что в русском языке только гласные являются носителями акцента. При этом хотелось бы подчеркнуть, что на абстрактном уровне в нашей модели мы действительно приписываем акцент каждой отдельной слоговой словоформе, в том числе и всем однословным словоформам. Естественно при этом возникает вопрос, откуда берется наша уверенность в «правильном» акцентуировании абстрактных словоформ в современном русском литературном языке (см. об этом раздел 1.1).

Если же, как было подчеркнуто выше, нашим первичным объектом исследования является множество абстрактных словоформ русского языка, то это дает возможность сформулировать наш тезис точнее: первичный предмет исследования в нашей работе образует множество всех слоговых абстрактных словоформ русского языка с их признаком иметь только один акцент.

Итак, перейдем ко второму вопросу: что необходимо понимать в данной работе под утверждением, что конкретная единица «несёт» ударение или она ударна? Ответ на этот вопрос может опираться на то, что читателю уже известно: конкретные словоформы считаются в нашей модели величинами, производными от соответствующих абстрактных словоформ. Наглядно это можно представить себе таким образом: каждая абстрактная словоформа предлагает, так сказать, свой, обязательно имеющийся у нее акцент в виде «предложения/рекомендации». При реализации такой единицы, например, в устном тексте, т. е. при переходе от абстрактного уровня к конкретному, для говорящего совсем не обязательно принимать это предложение/эту рекомендацию. Если слушающий принимает его/ее, то он в своем высказывании выделит определенным образом вокалическое ядро несущего ак-

цент слога (см. об этом ниже, а также раздел 2.2.1). Такое конкретно реализованное выделение мы называем ударением словоформы. Разделение обоих феноменов — акцента и ударения, которое побудило нас к соответствующей терминологической дифференциации, выглядит в другой формулировке следующим образом: на абстрактном уровне акцент представляет собой предложение выделить один слог словоформы. На конкретном же уровне оно может приниматься в форме ударения. Если оно не принимается, то мы говорим о неударности по отношению к реализации данного акцентуированного слога.

Для пояснения сказанного рассмотрим следующий пример, а именно графическую запись двух конкретных (т. е. в определенном мире W_1 или W_2 в определенном месте θ_1 или θ_2 и в определенное время Z_1 или Z_2) произнесенных высказываний. Каждое высказывание состоит из десяти конкретных словоформ, у которых символ ´ над гласным указывает на тот слог, в котором реализуется ударение: (1) *Вчeрá вéчeром пpофéссор Зaлизня́к чи́тáл студéнтам óчень интeрeсный акцeнтoлогичeский доклáд.* (2) *Вчe-рa вéчeром пpофéссор Зaлизня́к чи́тáл студéнтам óчень интeрeсный акцeнтoлогичeский доклáд.*

Единственное важное для нас различие между двумя выражениями явно заключается в ударении или неударении в них первой словоформы. Говорящий — сформулируем это следующим образом — использовал две различные возможности реализации, которые существуют в русском языке, а именно: *вчeрá* в (1) употребил с ударением, а аналогичную словоформу *вчeра* в (2) — без ударения. В рамках нашей модели мы описываем вышесказанное следующим образом: при условии, что в качестве исходной формы в основе обеих словоформ лежит акцентуированная абстрактная словоформа *вчeрá*, при конкретизации этой словоформы в (1) соответствующее предложение акцента было принято, т. е. реализовано как ударение, в то время как при конкретизации в (2) оно не было принято, что привело к неударению. Этот пример показывает, какие значительные изменения могут иметь место на пути между абстрактным и конкретным статусами словоформы и, следовательно, как важно строго отличать эти уровни друг от друга в понятийном и терминологическом плане.

Для указанных двух уровней необходимы дальнейшие подготовительные объяснения, особенно относительно того, что будет являться предметом соответствующего акцентологического анализа. Начнем с абстрактного уровня, на котором принципиально будут рассматриваться три возможности: 1) изолирующее, 2) парадигматическое и 3) синтагматическое (комбинаторное) описание абстрактных словоформ.

При изолирующем анализе наше внимание будет направлено на отдельные абстрактные словоформы и, в связи с этим, на определение так называемой свободы русского акцента (см. раздел 1.2.1). Затем наш анализ распространится на определенные группы абстрактных словоформ.

Предметом парадигматического анализа являются несколько абстрактных словоформ, часто расположенных в грамматиках столбцами. Выражаясь точнее, речь при этом идет о парадигмах словоформ, а также о стремлении провести на этой основе сравнение акцентных позиций собранных словоформ. В этой связи необходимо выяснить понятие акцентной позиции, точнее говоря, вид указания акцентной позиции словоформ (см. раздел 1.2.2.1). Далее здесь также будет определена так называемая подвижность русского акцента (см. раздел 1.2.2.2).

Что касается упомянутого выше сравнения, то речь идет о задаче, которая вначале будет продемонстрирована на следующем примере. Если рассмотреть парадигму финитных форм настоящего времени глагола *читать*, то можно установить, что все входящие сюда формы имеют акцент на одной и той же позиции (*чита́ю, чита́ешь, чита́ет, чита́ем, чита́ете, чита́ют*). А у финитных форм настоящего времени глагола *любить* — *люблю́, люби́шь, люби́т, любим, любите, любят* — акцентная позиция формы 1 л. наст. вр. ед. ч. отличается от акцентной позиции остальных форм. Важной целью сравнения является установление всех моделей распределения акцента — так называемых акцентных схем, которые имеются в рамках отдельных парадигм абстрактных словоформ (см. раздел 1.2.2.3.1). Существование таких различных акцентных схем является особенностью тех языков (среди них и русского языка), в которых акцент может быть подвижным внутри морфологической парадигмы (см. раздел 1.2.2.3.1).

После определения инвентаря акцентных схем необходимо установить факторы, от которых зависит акцентуирование словоформ в парадигме по той или иной схеме (см. раздел 1.2.2.3.2). Далее нужно исследовать значимость отдельных акцентных схем в системе русского акцента (см. раздел 1.2.2.3.3). И наконец, в рамках парадигматического анализа также необходимо остановиться на нестабильности или вариативности акцента, которую нельзя отождествлять с его подвижностью (см. раздел 1.2.2.3.4).

При синтагматическом или комбинаторном рассмотрении нас интересуют линейные, или «горизонтальные», последовательности, т. е. — в прототипическом случае конкретных устных текстов временные — следования друг за другом двух или более абстрактных словоформ. При этом важно строго отличать друг от друга два случая:

(а) Две (или более) отдельные абстрактные словоформы следуют друг за другом так, что при возникшей комбинации акцентных изменений не происходит; каждая словоформа в последовательности сохраняет акцент, который она имеет в изолированном употреблении. Например, если рассмотреть абстрактные словоформы *дóм* и *кнѝги* в абстрактной последовательности *дóм кнѝги*, то видно, что акцентные характеристики обеих словоформ на абстрактном уровне трактуются по аддитивному принципу, т. е. возникшая комбинация состоит из двух словоформ с их сохранившимися акцентами.

(б) Сравнительно более интересный случай характеризуется тем, что при комбинации нескольких абстрактных словоформ в одной абстрактной последовательности можно наблюдать феномен, который мы обозначим как «потеря акцента», или «нулевая реализация акцента». Комбинаторные единицы, внутри которых это происходит, мы называем «абстрактными тактовыми группами». Каждая из этих величин определяется тем, что она имеет только один акцент, или, иными словами: если несколько абстрактных словоформ объединяются в одну абстрактную тактовую группу, то только одна из словоформ сохраняет тот акцент, который она получила в изолированном употреблении, а все остальные словоформы этой тактовой группы теряют свой первоначальный акцент. — Об абстрактных тактовых группах речь идет

в сущности также и в случае (а). Только разница по сравнению со случаем (б) состоит в том, что здесь тактовая группа включает лишь одну словоформу.

Говоря о русских словоформах, которые могут терять акцент, мы имеем в виду, с одной стороны, так называемые клитики — это множество словоформ, которые к определенному моменту времени могут быть полностью перечислены. К ним относятся многочисленные предлоги (как, например, *бѣз, ѓз, нѧ*), различные частицы (например, *нѣ, лѣ, -кѧ*) и частица *жѣ* (см. подробно раздел 1.2.3). Примерами абстрактных тактовых групп, в которых клитики потеряли свой акцент, являются: *под столѡм, тѡт же, скажѣ-ка* (с потерей акцента у первоначальных *пѡд, жѣ, -кѧ*). Но наряду с этим в русском языке необходимо учитывать также такие случаи, в которых определенные, так называемые акцентогенные словоформы, т. е. неклитики, теряют свой акцент, и как раз тогда, когда они образуют с клитиками тактовую группу (например, *ѧ руку, ѓз дому, нѧ берег*). Следовательно, необходимо выяснить, какие акцентогенные словоформы могут потерять свой акцент и при каких условиях действительно происходит такая потеря акцента (см. раздел 1.2.3).

Обобщим сказанное. Если мы говорим об акценте абстрактной тактовой группы, то — и это является весомым отличием от рассматриваемых позже конкретных тактовых групп — не нужно описывать и, более того, невозможно описать этот акцент с помощью артикуляционных, акустических и аудитивных параметров. При исследовании абстрактных единиц нам не нужна никакая измерительная аппаратура. На абстрактном уровне сам акцент понимается как абстрактный феномен, т. е. как предложение говорящему при конкретизации данной абстрактной группы, в которую может входить одна или несколько словоформ, выделить ударением определенный слог, т. е. реализовать его таким образом, чтобы он воспринимался слушателем как особо выделенный, в то время как другие слоги — если они имеются — как бы отступают на задний план, остаются безударными. Как раз в этом смысле мы говорили выше об исходных формах, которые представляют результат, или «output» абстрактного анализа.

Конечно, исследование феномена русского акцента только в том случае будет совершенным, если мы проследим далее за

«судьбой» абстрактных исходных форм, т. е. выясним, что происходит с ними, когда они употребляются в конкретном устном высказывании. Уже упоминалось, что при этом прежде всего представляет интерес отношение между абстрактным и конкретным статусами единицы, т. е., проще говоря, вопрос, как поступает говорящий при реализации абстрактной исходной формы в конкретном высказывании с обязательно содержащимся в ней предложением выделить один слог. Теоретически здесь есть две возможности, которые были уже показаны выше в примерах (1) и (2), поэтому мы только вкратце повторим их:

- (а) Говорящий может принять предложение выделить ударением тот слог в своем высказывании, который предусмотрен для этого акцентом абстрактной исходной формы. Если взять многослоговые формы, то соответствующее предложение выделить акцентом слог будет обязательным в том смысле, что звуковое выделение другого, а не абстрактно предусмотренного слога этой же исходной формы не привело бы к конкретному высказыванию, приемлемому в акцентном плане. Итак, выбор возможности (а) означает, что «output» абстрактного уровня переносится на конкретный уровень таким образом, что акценту абстрактной исходной формы соответствует конкретное ударение в позиции, аналогичной данной акцентной позиции.
- (б) Говорящий может отклонить предложение, не выделяя в своем высказывании ударением ни одного слога абстрактной исходной формы.

Наша задача заключается в том, чтобы выяснить правила или условия, при которых в русском языке говорящему предоставляется такая свобода выбора, так как, разумеется, эта свобода не должна подменяться произволом (см. об этом подробнее раздел 2.3.1.1). Прежде чем поставить этот вопрос и ответить на него, попытаемся в рамках изолирующего анализа исследовать фонетические корреляты ударения в высказываниях, каждое из которых состоит из одной конкретной тактовой группы. При этом предполагается, что акцент соответствующей тактовой группы действительно реализуется как ударение (см. раздел 2.2.1). Этот анализ понимается как предварительная ступень к исследованию

более сложных, чем тактовые группы, единиц, таких как фразы или предложения, в которых действуют факторы, регулирующие реализацию или нереализацию акцента как ударения. В таких единицах заметно влияние фразовой или предложной интонации на фонетические корреляты ударения. Чтобы определить вид влияния этих величин, необходимо сначала по возможности изолировать их от данного влияния. Именно этого должен достичь изолирующий анализ. В его рамках надо выяснить также, каким образом реализуются безударные слоги конкретной тактовой группы, т. е. какими свойствами обладают фонетические корреляты безударности (см. раздел 2.2.2).

За изолирующим анализом следует синтагматический (см. раздел 2.3), при котором сначала необходимо выяснить, какие факторы влияют на нереализацию акцента как ударения (см. раздел 2.3.1.1). Затем важно исследовать, каким образом акцент реализуется как ударение в различных позициях в более сложных единицах, чем тактовые группы (см. разделы 2.3.1.2, 2.3.1.3, 2.3.1.4).

Достигнув конкретного уровня, круг нашей циклической модели снова замыкается. Это теперь позволяет нам рассмотреть феномены акцента и ударения (которые мы в силу необходимости отделили друг от друга) под следующим углом зрения: не обладают ли они общими свойствами? Для этого мы сравним два уже указанных феномена, которые можно свести к общему знаменателю — к так называемой нулевой реализации.

(1) Нулевая реализация акцентов (абстрактный уровень): если несколько абстрактных словоформ образуют одну тактовую группу, то все акценты, за исключением одного, теряются; говоря иначе, акценты словоформы одной и той же тактовой группы имеют, за одним исключением, нулевую реализацию;

(2) Нулевая реализация акцентов (переход: абстрактный уровень → конкретный уровень): если абстрактная тактовая группа переходит в конкретную, то предложение ее акцента может иметь нулевую реализацию в том смысле, что оно не принимается, т. е. не переводится в ударение. Этот случай мы называем неударностью.

Если взять первый случай, то нулевая реализация акцента однозначно связана с большим числом словоформ, т. е. с комби-

наторной комплексностью. Абстрактная словоформа может потерять свой акцент лишь в том случае, если она отказывается от своего индивидуального статуса и объединяется по меньшей мере еще с одной словоформой в комплексную величину — абстрактную тактовую группу. Но и такую тактовую группу снова определяет только один акцент, так что на абстрактном уровне нам постоянно встречаются «одноакцентные» объекты. Они могут быть простыми, т. е. состоящими из одной словоформы с акцентом (как, например, *ру́ку*, *то́т*, *красны́ми* и др.), но могут быть и комбинаторно-комплексными: в последнем случае под одним акцентом объединено несколько словоформ (например, *за́ руку*, *то́т же*, *под столóм*, *за́ руку же* и др.). Впрочем, по отношению к абстрактным тактовым группам можно точно указать условия образования тактовой группы, включая (максимальное) число входящих в нее абстрактных словоформ. Дальнейшая нулевая реализация акцента на абстрактном уровне не происходит даже при комбинации таких одноакцентных единиц. Каждая из них сохраняет свой акцент, и они нанизываются друг на друга по аддитивному принципу. В обобщающей формулировке это выглядит так: «output» абстрактного анализа состоит из одноакцентных единиц различной, но ограниченной комплексности словоформ.

Рассмотрим на этом фоне конкретный уровень. Важной причиной его выделения является то обстоятельство, что в русском языке «output» абстрактного уровня не обязательно переносится аналогично на конкретный уровень так, что каждому акценту постоянно соответствует ударение. В противном случае после переноса нескольких одноакцентных единиц на конкретный уровень все еще действовал бы упомянутый выше аддитивный принцип абстрактного уровня и для ударений. Возможность разрыва аддитивного принципа в данном смысле оказывается, таким образом, важным признаком конкретизации абстрактных словоформ и тактовых групп.

Причиной такого разрыва является, как известно, нулевая реализация акцентов на конкретном уровне (см. пункт (2) выше), т. е. свобода выбора говорящего отказаться от предложения абстрактного акцента. Можно ли приравнять этот тип нулевой реализации к нулевой реализации акцентов на абстрактном уровне (в

соответствии с пунктом (1) выше)? Там были по определению исключены два случая, а именно, нулевая реализация акцента в тактовой группе, которая состоит только из одной словоформы, а также его нулевая реализация у всех словоформ абстрактной тактовой группы, состоящей из нескольких словоформ. Собственно говоря, за этим кроются два различных случая: 1) исключено, чтобы все слоги тактовой группы не имели акцента, и 2) абстрактная тактовая группа не может без потери собственного акцента сливаться с другой абстрактной тактовой группой или словоформой (этому препятствует как раз только что названный аддитивный принцип).

Итак, проверим, можно ли перенести *per analogiam* оба эти (освобожденные от влияния окружения) феномена на конкретный уровень, т. е. встречаются ли они и там. Первый вопрос таков: существуют ли конкретные тактовые группы, состоящие из одной или нескольких словоформ, все слоги которых являются безударными? Ответить на этот вопрос непросто. Если бы такая абсолютная нулевая реализация ударения действительно могла быть исключена, то перед нами — если ограничиться только словоформами — возникла бы следующая ситуация:

- Если конкретная тактовая группа в конкретном высказывании состоит только из одной словоформы, то последняя всегда является ударной, т. е. один из слогов или единственный слог заметно выделяется каким-то определенным образом.
- Если конкретная словоформа безударна, то она постоянно является членом конкретной тактовой группы.

На второй поставленный выше вопрос, может ли конкретная безударная тактовая группа объединяться с другой тактовой группой или словоформой, мы без промедления даем положительный ответ (см. об этом раздел 2.3.1.1). Безударная тактовая группа лишь подводится в какой-то мере под «крышу» другого ударения. Оба эти решения (абсолютная нулевая реализация ударений — нет; конкретные тактовые группы, состоящие из нескольких абстрактных тактовых групп или из тактовых групп и словоформ — да) приводят к интересному наблюдению. Как на абстрактном уровне, так и на конкретном мы постоянно имеем дело с объектами исследования, которые характеризуются сле-

дующим свойством: каждая абстрактная словоформа/тактовая группа проявляет такое качество, как акцент, только один раз и образует таким способом акцентную единицу; каждая конкретная словоформа/тактовая группа проявляет такое качество, как ударение, только один раз и образует таким способом ударную единицу. Поэтому можно сказать, что наш ход анализа от изолированных абстрактных единиц к конкретным единицам учитывает также и условия, при которых в русском языке может повыситься словоформная комплексность объектов, каждый из которых характеризуется только одной качественной единицей (единицей акцента или единицей ударения).

Напомним, что повышение словоформной комплексности основано на условии, при котором нулевая реализация в словоформе всегда означает ее присоединение как минимум еще к одной форме — как на абстрактном, так и на конкретном уровне. Так как акцентное предложение абстрактной исходной формы при конкретизации может иметь нулевую реализацию, логическим следствием этого является то, что на конкретном уровне число словоформ, которые образуют под ударением тактовую группу, может быть выше, чем количество словоформ, которые на абстрактном уровне могут образовывать тактовую группу под одним акцентом. Говоря проще, ударные единицы могут быть сложнее, чем акцентные. Вопрос о том, можно ли установить ограничение на число словоформ конкретной тактовой группы, еще требует проверки.

Правила, по которым в русском языке одна или несколько словоформ объединяются в качественную единицу — акцентную или ударную, мы назовем правилами образования тактовых групп. Эти правила должны быть применимы ко всем описываемым здесь единицам. С другой стороны, они должны описывать все акцентологически релевантные процессы, которые происходят в качественных единицах. Поэтому правила образования тактовых групп должны охватывать следующее:

- количественный компонент, т. е. данные о том, в каком соотношении находится единственный акцент акцентной единицы или единственное ударение ударной единицы к соответствующему количеству словоформ в каждой единице (на-

пример, 1 акцент : 1 словоформа; 1 ударение : 1 словоформа; 1 акцент : 2 словоформы; 1 ударение : 2 словоформы и т. д.);

- позиционный компонент, т. е. данные о том, в какой позиции данной словоформы находится единственный акцент или единственное ударение качественной единицы;
- у комплексных единиц данные о том, какие словоформы можно объединить при определенных условиях в одной акцентной или ударной единице, т. е. здесь — в абстрактной или конкретной тактовой группе;
- у конкретных ударных единиц фонетический компонент, т. е. данные о том, как фонетически реализуется ударение в акцентной позиции, определенной изначально как абстрактная, и как реализуются гласные безударных слогов.

Теперь мы можем сделать заключение о том, как возникают комплексные высказывания или тексты, охватывающие более чем одну качественную единицу. На абстрактном уровне акцентные единицы, а на конкретном уровне ударные единицы нанизываются друг на друга по аддитивному принципу. Только в этом смысле аддитивный принцип действует и на конкретном уровне.

В отношении количественного компонента в русском языке представлен пропорциональный минимум — 1 акцент или ударение : 1 словоформа в форме одной-единственной абстрактной или конкретной слоговой словоформы, максимум — с переменной w в 1 акцент : w словоформ или x в 1 ударение : x словоформ — необходимо выяснить на абстрактном и конкретном уровнях. Наше различие абстрактного и конкретного уровней в количественном измерении можно представить в виде шкалы: «output» абстрактного анализа покрывает пропорциональные отношения между $1 : 1$ и $1 : w$ (где w — максимальное количество словоформ акцентной единицы, т. е. абстрактной тактовой группы), короче говоря: $1 : (1, \dots, w)$. На конкретном уровне область покрытия пропорциональных отношений «ударение : словоформа(ы)» составляет $1 : 1$ и $1 : x$ (где x — максимальное количество словоформ ударной единицы, т. е. конкретной тактовой группы), что значит $1 : (1, \dots, x)$. Так как ударные единицы могут включать в себя больше словоформ, чем акцентные, то $x \geq w$.

Здесь необходимо еще остановиться на мнимом противоречии. Если мы, как было упомянуто выше, избрали предметом своего исследования качественные единицы различной словоформной сложности, мы в сущности игнорируем тот факт, что в русском языке нередко встречаются ударные единицы, в которых, кроме слога с главным ударением (в многочисленных работах названным как «главный акцент»), выделяются еще один, два (иногда даже более) слога. В таких случаях мы говорим о «побочном ударении» (ср., например, *мо́лот-ры́ба*, *ста́ропеча́тный*, *про́фашаи́стский*, *не́станда́ртный*, *а́втомòтоклу́б*, где ´ означает главное, а ` побочное ударение). Как показывают примеры, побочное ударение особенно характерно для сложных, сложносокращенных слов и таких словоформ, в состав которых входят определенные префиксы.

Несмотря на то, что побочное ударение обозначено в некоторых словарях (см.: ОС-1983; ОС-1989; Еськова 1994) и, таким образом, находится на одном уровне с главным ударением, приравнивать главное и побочное ударение не следует, потому что возникновение побочного ударения зависит от специальных ритмических, семантических и прагматических условий на уровне конкретных высказываний (см. раздел 2.3.2.1). Предположим, что перед нами изолированная абстрактная словоформа, состоящая из двух или более слогов, о морфологических свойствах которой нам ничего не известно. В этом случае при реализации ее как конкретной словоформы появление побочного ударения в принципе так же вероятно, как и его непоявление. Правда, морфологические свойства, такие как указанные выше, повышают вероятность появления побочного ударения, но не навязывают его — ср. *ма́лоо́пытный*, но *малолю́дный*, *вне́служе́бный*, но *внеуру́чный*, *фо́топлёнка*, но *фотока́рточка*, *ста́ропеча́тный*, но *старорежи́мный* и т. д. Подробно мы рассмотрим феномен побочного ударения в разделе 2.3.2. Здесь же считаем достаточным уточнить, что если речь идет об ударных единицах, то имеются в виду единицы только с одним главным ударением. Но главное ударение для краткости мы, как и до сих пор, будем называть просто ударением.

После рассмотрения проблем акцента и ударения в русском языке в заключительной, 3-й главе нами описываются функции

этих двух тесно связанных друг с другом феноменов. При этом предстоит выяснить, какие сигнальные функции приписываются акценту и ударению. Также и здесь мы проводим разграничение между абстрактным уровнем акцента и конкретным уровнем ударения, так как их функциональные сферы, как будет показано более подробно в разделах 3.1 и 3.2, не совпадают, а термин «функция» употребляется в этих двух разделах по-разному.